ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

Апрель-76

З. КОЗУСЬ

* * *

У встреч своя
закономерность...
Свела судьба и развела.
Но мне на плечи
откровенность
Невольной тяжестью легла.
Как все в тебе казалось
просто:
Улыбчив, весел, жизни рад.
И где ж мне знать, что
с шуткой острой
Ты носишь в сердце грусти
клад.
И вот теперь сквозь дни
упорно
Приходит грусть твоя ко мне,
Она нахохлена, как ворон,
Как черный ворон на стерне.
И ведь вокруг весна и
солнце,
И ты, конечно, жизни рад,
И бьется весело в оконце
Шумливый град, весенний
град.
Сними с меня той ноши
тяжесть,
Что не праве — поверить
дай,
Пусть лучше мне на сердце
лежет
Твой звонкий май,
счастливый май.

Е. ВАСИЛЬЕВ

* * *

По прозрачной лесенке
Вверх поднялась
песенка
И оттуда слышится,
Так что глубже
дышится
От ее просторности,
От моей покорности —
Вслед за ней идти,
идти.
И пытаюсь я найти,
Где тут в небо лесенка,
Где тут в небе песенка?

Ю. ЛАПИН

ПОЛОВОДЬЕ

Половодье
Весной нежится, любится
От воды снеговой,
Солнце бьется об улицы,
Как небес вечевой.
Даже лужи ерошатся —
Половодье пришло.
Мне обнять тебя хочется,
А тебе все смешно.
Ты допей снегу талого,
Хмель войдет — не беда.
Я к себе тебя шелую
Унесу навсегда.
Твое сердце откроется
Небывалой весне.
Наши губы омоются
В своей первой вине.

НОВЫЕ ИМЕНА

В. ЯЦУТА

* * *

И снова бой в горах Кавказа,
И снова смерть, и дым,
и смрад.
И мест искать совсем
не надо,
Чтобы попасть из жизни в ад.
От взвода только десять
квсок,
Как будто ночки на земле.
И беленький венок ромашек
Прильнул к пробитой
голове.
Передо мной, как свет
в тумане,
Весна, рассвет и блеск реки,
Со мной как будто дорогая,
Со мной тепло ее руки.
И, сжавши зубы словно
клещи
До адской боли в голове,
Я полз к голубоватой речке,
К живой лазуревой воде.
От жизни до утесов ада
Был в это время метр
на метр.
Но жизни и судьбы громада
В мозгу стучала: «Нет и нет».
И выжил я, как будто
солдат
Пролил на тень прошедших
лет.
А кто-то больше не вернется,
Кому-то ночь, а мне рассвет.

О. ОША

* * *

О тебе я думаю, о тебе
грушу,
Я тебя когда-нибудь отыщу.
Отыщу глаза твои, отыщу
слова,
Я на них хочу иметь
полные права.
Те слова желанные в снах
и наяву
Упадут, как листья, в сердце
я в траву,
Упадут тихонько, словно
в листопад,
Пусть тревоги-ветки душу
теребят...
Чтобы помнить эту осень
непростую,
Я прошу: скажи мне то,
о чем тоскую.

ЗА ДАЛЬЮ ДАЛЬ.

Памяти первых сургутских комсомольцев

ЗОРЬКА

Б. БОРОВИНСКИЙ

ЗОРЬКА проснулась засветло и, смежив длинные пушистые ресницы, полежала еще немного — в предчувствии какой-то светлой и тихой радости.

Девушка с детства любила вот так, подремывая в теплых сумерках, воображать то, что ее ожидает в грядущий день: или приятная встреча, или интересное занятие, или просто само по себе ясное настроение. Зорька слабо перебирает в памяти: а что сегодня? «Ах, я уже с утра хотела сбегать на охоту», — догадалась она, и сердце сразу учащенно, радостно отозвалось...

Отец, промышляя, чтобы кормить семью, с малых пет пристрастил дочь и охоте. Весной и осенью они уходили на травянистый, с озерными каплями сор, и Зорька, холодея, стойко просиживала в скрадке вечернюю, а порой даже утреннюю зарянку на утицу.

Осторожно, чтобы не разбудить мать, Зорька поднялась с постели и прильнула к обледенелому оконцу. Через изморозные стекла она ничего не видела. И тогда девушка прислушалась. Перед самым окошком упруго тянулась рябинка, посаженная еще отцом в день рождения дочки, одна веточка в непогодье всегда упрямо скреблась о стекло — сейчас она стыло затихла. «Ветра нет. Наверно, морозно», — решила Зорька и, часто позевывая, словно вздыхая, неторопко стала одеваться, бесшумно ступая по половикам. Ей не хотелось тревожить маму, которая на самом деле не спала и украдкой присматривалась, как собирается дочь.

Мать чувствовала в душе смутное беспокойство за дочку. Когда и почему оно возникло в ней, мать еще не успела выстрадать это, но волнение, закравшись в сердце, раздувало в нем теплый уголек тревоги.

Наконец Зорька оделась и, приставив и косяку отцову одностволку, приблизилась к матери.

«Будь спокойна, мамочка милая!» — как будто угадав, что мать волнуется за нее, с нежностью подумала Зорька. Мать прикрыла глаза, и горячие губы дочери мягко коснулись родной щеки. «Господи, благослови!» — не только привычное, но и в самом деле до жути желанное шепнула мать напутствие, когда дочь, пятясь, отступила к двери...

И вот, надев широкие лыжи, Зорька в шапке и шубейке, в тугой опояске патронташа скользит за дворниками от своей избы. Ружье висит через плечо, и девушка, широко размахивая руками, сирывается в опушенном снегом мрачном кедраче, который полуприжмем прижимает село к крутояру.

Увязалась за Зорькой и круглолицая услужливая пуна, которая сумерничале на небосводе в россыпи мерцающих лукавых звезд. Утренний морозец шустро ощупывает девушку, как бы угадывая, куда ему можно проскользнуть, но натыкается лишь на Зорькино лицо да щиплет уши, не скрытые шапкой. Хрупко и звонко в сонной тишине потрескивают, нечаянно задетые сучки.

Развидналось быстро и незаметно, и морозец добрел, разрумянивал лицо девушки. Черные густые брови Зорьки в надпоме поседели, в щеки покрылись инистыми иголками.

Идет она не спеша, зорко просматривая сквозную вязь берез, на которых, как агатовые сережки, обычно виснут косачи. Неторопливая ходьба зажигает мысли-искорки, и одна из них особенно ярка и волнующа...

...В просторной поповской избе из кряжистых бревен, слабо освещаемой керосиновой лампой, за простенькими партами сидят Зорькины товарищи и друзья. Она их всех знает с детства, но сейчас они точно не знакомы с ней — чужие лица, серьезные взгляды. А Зорька — тоненькая и стройная, как березка, — стоит перед ними возле стола, теребя по боком платье в белых горошках, и чувствует себя, как та девчушка - школьница, которую еще утром сама учила грамоте.

Вот в черной косоворотке сидит Митька Кушников, по прозвищу Заноза. Он и впрямь задиристый, придирчивый и язвительный парнишка. Жесткие и рыжие волосы его с петушиным гребешком топорщатся, а острый носик тянется вперед, и сам он, Митька, не сидит на месте — *сполз на краешек парты*. Ну, как ершишка какой-то.

Рядом с ним, раскинув длинные руки-кувалды, основательно устроился Павел Кузнецов в клетчатой рубахе. Он наверное сибирского кедра — могутный и матерый, разлапистый и смурый. Павел с холодном щурится, но Зорька знает, что он и пташку малую не обидит, все с доброй балует.

В дальнем углу в тусклом свете керосинки маячит Зорькина подружка — полненькая вострушка Тонька Проводникова с беличьими раскосыми глазами - смородинками, курносая и смуглолицая.

Вот и сейчас Тонька озорно подмигивает Зорьке и тотчас прихлопывает ладошкой смешок: это она успевает тюкнуть в бок Дрошку Медведева, щуплого, низкорослого, в куцем пиджачишке переньку, который по уши влюблен в Тоньку. Дрошка, не перенося щекотки, словно ужаленный подскакивает, а Тонька тут же подставляет под него свой кулачок, и он, садясь, вновь дурашливо взвивается вверх. Зорька слабо улыбается — в другом случае она бы вдоволь посмеялась над проказами Тоньки, а сейчас робость и неуемная дрожь одолевают ее всю.

Девушка поворачивает голову вправо и видит секретаря комсомольской ячейки Кузьму Лукичева. Он сидит на габуэтке с края, застланного красным ситцем стола с керендешиком позвякивает по стеклянной банке с водой — так Кузьма успокаивает свою комсомолию. Кузьма в белой косоворотке, в опояске ремешка, плечистый, высокий и складный парень с каштановыми вьющимися волосами, с ястребиным носом и синью в глазах. Зорька очень нравится Кузьме, и она знает, что он ее любит, но скрывает это. А девушке горячо, но, кажется, безответно полюбился другой — его здесь нет и быть не может...

Кузьма просто и чисто улыбается Зорьке, и ей становится как-то свободнее и легче. «Да я сама себе страху нагнала», — ободряюще решает девушка и вконец успокаивается.

И тут посыпались вопросы, точно дробины после выстрела: одни и крупные, а отлетают от нее, другие хоть и мелкие — глубоко впиваются, болью отзываясь в сердце. Конечно, мелкой дробью, как и думала Зорька.

— Почемуй-то ты, Зорина, как будущая комсомолка не помогла артели в сенокос?

— А... меня никто-то не звал.

(Продолжение следует)